

КОНЦЕПЦИЯ КАЧЕСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

И.С. ПЫЖЕВ,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории,
Сибирский федеральный университет
(Институт экономики, управления и природопользования),
igsep@yandex.ru;

В.Н. РУЦКИЙ,

старший преподаватель
кафедры экономической теории,
Сибирский федеральный университет
(Институт экономики, управления и природопользования),
e-mail: rootskey.vn@gmail.com

В статье разрабатывается концепция качественного экономического роста как взаимосвязанного расширенного воспроизводства факторов производства и благ. При этом одну из ведущих ролей играет фактор информации, воздействующий через институты на неопределенность воспроизводства.

Ключевые слова: качественный экономический рост; воспроизводство; информация; институты; трансакционные издержки.

The paper is devoted to design of the concept of qualitative economic growth as extended interrelated reproduction of factors and goods. An economic information factor plays very important role in qualitative economic growth for it affects uncertainty in reproduction with the help of institutes.

Key words: qualitative economic growth, reproduction, information, institutes, transaction costs.

Коды классификатора JEL: B52, D80, O40.

В современных условиях проблема устойчивости развития экономики приобретает все большее и большее значение. Нынешний кризис весьма остро поставил перед экономической наукой вопросы о сущности, источниках, результатах и угрозах устойчивой социально-экономической эволюции с присущей этой эволюции многогранностью и неопределенностью. Разработке подходов к формированию концепции, которая бы отвечала на эти вопросы в рамках теории экономического роста, посвящается данная статья.

В узком смысле под экономическим ростом и экономическим развитием понимаются два механизма эволюционных изменений в экономике — чисто количественные изменения (расширенное производство одних и тех же ресурсов и благ) и чисто качественные изменения (структурные сдвиги в производстве), соответственно [18, с. 31]. Однако в современных условиях в содержание экономического роста следует включать не только чисто производственные характеристики, но и иные экономические, социальные, экологические и прочие параметры, которые отражают качественные изменения в эволюционирующих экономических системах и не всегда сопровождаются значимым ростом производства. При этом меняется качество факторов производства и технологии их использования.

В широком смысле в теории экономического роста речь должна идти о некоей общей категории изменений, которая в различных условиях может предполагать чистый рост, чистое развитие или их синтез [8]. В связи с этим мы считаем, что целесообразно

но ввести категорию *качественного экономического роста*, которая бы отражала не только количественные, но и качественные изменения, и в этом смысле более глубоко объясняла причины и закономерности непрерывной экономической эволюции в ее политэкономической интерпретации воспроизводства.

Проанализируем вкратце существующие концепции экономического роста. Фактическими основателями этого направления в экономической науке стали Н.Д. Кондратьев, М.И. Туган-Барановский и Й. Шумпетер, которые концентрировались на исследовании циклической динамики экономики [13]. Они утверждали, что социально-экономическая эволюция протекает во времени не поступательно, а волнообразными скачками различной амплитуды и продолжительности. В качестве основных причин циклов были названы неравномерность колебаний платежеспособного спроса, обновления средств производства и внедрения инноваций. Позднее исследования циклической динамики были объединены в концепцию экономической конъюнктуры (системы взаимосвязанных циклов), которая одновременно разрабатывалась в различных странах (США, России, Германии, Швейцарии, Швеции).

Однако в 1950–1960-х годах концепции циклической динамики отходят на второй план и сменяются формализованными моделями экономического роста, поскольку в экономической политике послевоенных экономик требовался не столько анализ, сколько конкретные меры государственного воздействия по преодолению циклов и стабилизации роста производства.

В моделях экономического роста в качестве источников рассматриваются, прежде всего, объемы факторов, а в качестве результатов — национальный доход в абсолютном или душевом выражении. При этом связь между источниками и результатами роста выражается конкретной агрегированной производственной функцией.

Первые формальные модели экономического роста предложили кейнсианцы с целью разработки таких мер государственного регулирования экономики, которые бы сглаживали ее циклическое развитие путем использования механизма мультипликатора (модели Дж. Кейнса, Р. Харрода, Е. Домара) [5; 19; 24]. При этом связь между источниками (факторами труда и капитала) и результатами роста носила строго дополняющий характер.

По мере выхода национальных экономик из кризиса стала ощущаться ограниченность кейнсианского подхода, основанного на необходимости государственного вмешательства и краткосрочном периоде анализа с жесткой взаимосвязью факторов производства. В противовес кейнсианскому направлению неоклассики в своих моделях экономического роста стали ориентироваться на гибкую структуру производства (функция Кобба—Дугласа с замещением факторов капитала и труда) и возможность включения в анализ иных источников развития (остаток Солоу). При этом основной задачей неоклассических моделей был анализ технологически возможного (гарантированного) и реально достигаемого уровня роста [25].

В свою очередь в 1970–1980-х гг. снова возрос интерес к теории экономической конъюнктуры. Модели экономического роста, которые не могли включить в анализ ни кризисные явления в развитых странах, ни новые экономические условия развивающихся стран из числа бывших западных колоний, уступили место другим концепциям экономического роста, зачастую неагрегатным, но более приближенным к экономическим реалиям и возможностям вмешательства государства.

Леворадикальные концепции расширили объект исследования в теории экономического роста — в дополнение к внутренним источникам они стали рассматривать внешние инвестиционные ресурсы, которые могут иметь как позитивные (заимствование технологий из-за рубежа), так и негативные эффекты для экономики (эксплуатация национальных трудовых ресурсов транснациональными корпорациями при сохранении и даже усилении технологической отсталости) [8, с. 172–201].

Институциональные концепции, хотя и появились еще на рубеже XIX–XX веков, достигли своего расцвета как неoinституциональные теории. Изменения, связанные с ростом, рассматриваются ими не просто как повышение темпов производства, но как инвестиции в человеческий капитал и ликвидацию бедности населения [8, с. 143].

Одним из самых значимых институциональных направлений стали информационная экономика [1; 3] и институционально-эволюционная парадигма [7], которые исследовали информацию, воплощенную в человеческом капитале и рутинных поведении субъектов, в качестве важнейшего качественного фактора экономического роста на пути к формированию постиндустриального общества.

Теории качества жизни фактически продолжили институциональные традиции политэкономических моделей нового общества, утверждая в прикладном русле неизбежность и необходимость формирования нового качества жизни человека. Качество жизни понимается ими как сложная междисциплинарная категория, отражающая комплексное удовлетворение всего множества потребностей индивида [2]. Качество жизни принято оценивать индивидуальными либо интегральными показателями, причем разница между отдельными концепциями заключается в методике формирования интегральных показателей или перечня индивидуальных показателей. Существенными недостатками этих концепций являются фрагментированная методологическая база, неявный характер желаемых и достаточных пределов качества жизни и неопределенность соотношений между характеристиками качества жизни.

В прикладных теориях безопасности предлагается нацеливать экономический рост на создание условий для поддержания уже достигнутого (и продолжающего расти) уровня и качества жизни населения, на защиту этих характеристик от внешних и внутренних угроз [10]. Причем именно эти концепции пользовались особым вниманием российских научных кругов в период российских реформ 1990-х годов. В соответствии с факторами этих угроз различают множество тесно связанных составляющих безопасности: экономическая, экологическая, социальная, демографическая, культурная, военная, политическая, правовая, технологическая, информационная, психологическая и т.п. Аналогично теориям качества жизни теории безопасности отличаются друг от друга лишь составом и эталонными значениями показателей безопасности. Методика применения теории безопасности заключается в следующем. Вначале сопоставляются фактические (или планируемые) значения показателей с их пороговыми (критическими) значениями. Далее, в зависимости от степени отклонения в негативную сторону фактических (планируемых) показателей принимается решение о соответствующем изменении политики регулирования развития. Аналогично концепциям качества жизни концепции безопасности не опираются на единую методологическую базу и также характеризуются неявным характером желаемых и достаточных характеристик безопасности и неопределенностью соотношений между ними.

Новые условия создали предпосылки и для сближения различных моделей экономического роста, в результате чего появилось синтетическое направление концепций эндогенного роста, основной задачей которых является анализ различных самовоспроизводящихся интенсивных источников развития (институциональные факторы, диффузия инноваций, эндогенные денежные инструменты, накопление человеческого капитала и др.) [21]. При этом, помимо модификаций агрегированной производственной функции Солоу (нелинейные варианты функции Кобба—Дугласа), начинают применяться инновационно-циклические функции, описывающие изменения в мезоэкономической структуре воспроизводства на основе так называемого «созидательного разрушения» [23]. Однако теории эндогенного роста страдают одним существенным недостатком. В качестве основной предпосылки они предполагают наличие развитых институтов рыночного капитализма («денежная экономика», спецификация и защищенность прав собственности, низкие административные барьеры и т.п.). Это делает невозможным использование подобных моделей для развивающихся и переходных экономик, в частности, для российской экономики [12].

Особый интерес представляет концепция «устойчивого развития», которая была сформулирована в 1987 г. в докладе Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию (комиссией Брунтланд) как ответ на экологические вызовы современности и понималась в смысле сознательной направленности развития на долгосрочное обеспечение экономики источниками природных ресурсов при условии неразрушения окружающей среды. Ничего не мешает распространить концепцию устойчивого развития на удовлетворение текущих широких общественных потребностей (в чем бы они ни выразались) и сохранение способности их удовлетворения для будущих поколений, что означает широкую постановку главной в экономике задачи эффективного использования ресурсов [18, с. 15].

К сожалению, концепция устойчивого развития не сложилась как единая научная теория и отличается слабой применимостью на практике (комиссия Брунтланд при ООН не разработала общие принципы устойчивого развития, предоставив это отдельным государствам), крайней фрагментированностью и противоречивостью интерпретаций. Нет единства даже в самой трактовке термина устойчивого развития, которое может пониматься как «самоподдерживаемое» и «защищаемое», как «длительное» и «непрерывное», как «прочное» и «адаптируемое» [17, с. 21].

Тем не менее подход концепции устойчивого развития интересен тем, что потенциально способен аккумулировать положения большинства концепций экономического роста и стать универсальной теорией количественно-качественных эволюционных изменений. Идею сохранения удовлетворения меняющихся потребностей на основе воспроизводства экономических ресурсов можно взять за основу при разработке концепции качественного экономического роста. Для этого необходимо выработать общие принципы качественного экономического роста и предложить математический аппарат формального анализа и оптимизации, адекватный по своей сложности и универсальности объекту воспроизводственной экономики.

Таким образом, эволюция теоретических и прикладных исследований экономического роста иллюстрирует наличие трех основных закономерностей, которые позволяют говорить о воспроизводственной природе современного типа экономики и о необходимости их учета в концепции качественного экономического роста.

Во-первых, среди источников роста все большую роль играют интенсивные параметры — качество факторов и технология их использования, формирующие конкурентоспособность субъектов экономики на международном уровне в условиях глобализации и ускорения НТП [18, с. 31]. Этот процесс условно можно назвать интенсификацией экономического роста, воздействие которой требует отражать в его источниках как экстенсивные, так и интенсивные характеристики. Тем самым экономический рост перестает быть чисто количественным явлением и означает структурные сдвиги в воспроизводстве благ, а также обнажает коренную причину расширения воспроизводства путем более производительного преобразования природных ресурсов благодаря инновациям.

Во-вторых, среди результатов роста наблюдается перенос акцентов с чисто конъюнктурных макро индикаторов, на индикаторы, характеризующие экономику более глубоко и структурно [6]. Причем предпочтение отдается индикаторам, описывающим долгосрочное состояние социума как первооснову любой экономики, в том числе на мезоэкономическом уровне (индикаторы уровня и качества жизни: здравоохранения, образования, культуры, социального обеспечения, состояния инфраструктуры, предпринимательского климата, экологии и т.п.). Этот процесс условно можно назвать гуманизацией экономического роста, воздействие которой требует отражать в результатах роста состояние социальных субъектов экономики, поскольку все шире затрагиваются различные сферы жизни общества. Обнаруживается, что рост производства не является и не может являться самоцелью развития экономики. Расширение производства благ в долгосрочной перспективе не может происходить без учета меняющихся потребностей общества (кото-

рые самовоспроизводятся и расширяются) и пределов антропогенной нагрузки на самовоспроизводящуюся природную среду, поскольку человечество, несмотря на достижения НТП, все еще остается частью этой среды.

В-третьих, процессы изменений в экономике все чаще рассматриваются не только с позиции желательной траектории роста и путей перехода к этой траектории, но и с точки зрения устойчивости изменений, циклических колебаний относительно желаемой траектории. Учет неопределенности в экономическом росте требует отражения информационного фактора производства как особого источника роста. Экономическая система, замыкаясь в процессе воспроизводства на самое себя, подвержена воздействию ожиданий (представлений) ее субъектов, которые отражают некую рациональность и согласованность их поведения [11]. Ожидания не просто существуют как отражение сложившегося баланса между элементами воспроизводства, но материализуются за счет коллективного следования этим ожиданиям и активно воздействуют на само воспроизводство. То есть ведущую роль в устойчивости воспроизводства играет экономическая информация как уникальный фактор, обеспечивающий субъектов сведениями, знаниями, навыками (в том числе появившимися в результате НТП), необходимыми для контроля над неопределенностью, раскрытия ее положительного и отрицательного потенциала. В частности, регулирование информационных процессов помогает государству и общественным коалициям, нацеленным на управляемый «взлет» (в условиях экономического роста) или «посадку» (в условиях экономического спада) национальной экономики.

Можно также утверждать, что отдельные концепции, затрагивающие проблемы экономического роста, обладают различными достоинствами и недостатками. Формальные модели экономического роста являются наиболее разработанными в теории и на практике, однако достаточно подробно охватывают только количественные процессы экономического роста, часто игнорируют фактор неопределенности и обладают достаточной прогностической способностью только в очень жестких условиях. Прочие концепции, хотя и восполняют отдельные недостатки моделей роста, но недостаточно формальны и слишком фрагментированы.

Все это говорит о необходимости создания концепции, которая бы и адекватно отражала количественные и качественные изменения в экономике, и учитывала бы интенсификацию, гуманизацию и неопределенность в экономическом росте. На наш взгляд, такой концепцией может стать теория качественного экономического роста, которую следует разрабатывать, ориентируясь на эти закономерности и отражение долговременного удовлетворения меняющихся потребностей общества. Тем самым концепция качественного экономического роста по определению тождественна долговременному расширенному воспроизводству ресурсов (источников развития) и благ (результатов развития), обладающему определенной устойчивостью, стабильностью от внутренних и внешних воздействий.

Что касается смысла устойчивости качественного роста экономики, то его целесообразно понимать не только в формальном (изменение параметров источников и индикаторов результатов в заданных пределах вдоль заранее известных траекторий), но и в системном аспекте (взаимообусловленная эволюция воспроизводственных подсистем) [14].

Основной чертой эволюционно развивающейся экономики, которая характеризуется расширенным воспроизводством ресурсов и благ, является свойство системной целостности как сильной взаимосвязи между субъектами, дающей «положительную неаддитивность» (синергию) их коллективных усилий в ходе обмена друг с другом и внешней средой экономики ресурсами [18, с. 62].

Для своего устойчивого развития помимо тактической обратной связи отдельных подсистем целостная экономика должна предусматривать существование резервных и стратегических функций. Тем самым экономика должна выступать в роли «созна-

тельного» комплексного субъекта развития, имеющего свою «долгосрочную цель» — расширенное воспроизводство целостной экономики. Роль такого субъекта должна заключаться в стратегическом целеполагании и регулирующих воздействиях (поиск, оценка, выбор приоритетных альтернатив развития) на основе содействия активных и временно игнорируемых воспроизводственных подсистем [4]. Таким образом, качественный рост целостной экономики не может быть устойчивым без учета роли государства в источниках и результатах роста.

Учитывая вышесказанное относительно закономерностей экономического роста и характера целостной экономики, источники устойчивого качественного роста можно разграничить на экстенсивные (увеличение объема факторов производства) и интенсивные условия воспроизводства (рост производительности факторов в связи с изменением их качества и технологии использования).

Также можно утверждать, что результаты устойчивого качественного экономического роста должны охватывать все многообразие воспроизводства экономики, персонафицированного по трем категориям его субъектов. Это хозяйственные (фирмы частной и государственной формы собственности), социальные (домохозяйства и НКО) и публичные субъекты экономики (органы власти и бюджетные учреждения государственного уровня и уровня самоуправления) [14].

Напомним, что воспроизводство экономики принято подразделять на четыре взаимосвязанных стадии движения натурально-вещественных (материальных и нематериальных) и стоимостных (денежных) потоков, отражающих движение экономических ресурсов и благ [9]:

1. Производство (создание благ и соответствующих им стоимостей при помощи специфического использования ограниченных, а поэтому обладающих стоимостями ресурсов, которое происходит на условиях разделения труда и специализации субъектов экономики).
2. Распределение (передача благ производителями благ их первичным покупателям и первичное распределение связанных с благами стоимостей между субъектами экономики).
3. Обмен (перераспределение благ и их стоимостей между различными субъектами экономики с целью достижения ими определенных целей).
4. Потребление (удовлетворение текущих и стратегических потребностей субъектов экономики в процессе однократного или длительного уничтожения благ, которые предоставляются субъектам в обмен на принадлежащие им доли стоимостей ресурсов и благ).

Учитывая все это, воспроизводственные сектора — подсистемы экономики, которая развивается с большей или меньшей устойчивостью, можно классифицировать следующим образом.

Исходя из особенностей финансирования производства и механизмов распределения (обмена) все блага в экономике подразделяются на частные, общественные и смешанные. Частные блага, одновременно обладающие свойствами исключаемости (возможность производителя ограничить доступ потребителя к благу) и конкурентности (производство благ в ограниченном количестве, что предполагает конкуренцию потребителей за доступ к благу), могут быть профинансированы потребителями напрямую. Распределение и обмен таких благ могут осуществляться на основе института конкурентного рынка. В противоположность частным благам производство чистых общественных благ (неисключаемых и неконкурентных) не может быть профинансировано заинтересованными в них потребителями, поскольку нет возможности ограничения доступа к благу. Финансирование и распределение связанной с общественными благами стоимости может осуществляться только централизованными методами. Смешанные блага требуют для своего производства и распределения (обмена) смешанных механизмов.

Исходя из особенностей потребления и частные, и смешанные, и общественные блага могут иметь материальный (товары и услуги) и нематериальный характер потребления (социальные блага). В отличие от товаров (материальная форма существования) и услуг (нематериальная форма существования) социальные блага не могут быть отделены от индивида как члена человеческого сообщества (культура в широком смысле — потребительские предпочтения, ментальные особенности, здоровье, уровень образования, отношение к правопорядку, инициативность и т.п.) и являются результатом процесса гуманизации экономического роста.

Далее следует разграничить блага, направляемые для потребления к разным типам воспроизводственных субъектов, которые одновременно являются носителями потребностей, удовлетворяемых при помощи благ, и исполняют определенные воспроизводственные роли. В этом аспекте целостная экономика предстает системой активных функциональных элементов с разной скоростью и специализацией производства.

Чтобы глубже понять закономерности воспроизводственных процессов в целостной экономике, имеет смысл более подробно описать функциональное поведение различных категорий субъектов воспроизводства.

Хозяйственные субъекты воспроизводства представлены государственными и частными корпорациями, их подразделения и отдельными сотрудниками и осуществляют следующие воспроизводственные функции:

- производство и распределение в натурально-вещественной и стоимостной форме частных благ и ряда смешанных благ посредством комбинирования имеющихся ресурсов;
- разработка НИОКР на основе фундаментальной науки, внедрение разработанных НИОКР, имитация внедренных ранее НИОКР;
- способность нести неопределенность от предпринимательской деятельности в обмен на вознаграждение в форме прибыли;
- производство и потребление благ — средств производства.

При этом в условиях современной смешанной экономики форма собственности на средства производства (частная, государственная, общественная) и организационно-правовая форма компании не имеет принципиального значения. Для экономики в целом важна лишь эффективность исполнения указанных функций, которая оценивается как степень расходования ресурсов, трансформируемых в определенное количество и качество частных, смешанных и общественных благ. С точки зрения воспроизводства имеет значение также разделение хозяйственных субъектов на три базовых сектора:

- первичный (по добыче и первичной обработке ресурсов земли — аграрные и добывающие),
- вторичный (по глубокой переработке ресурсов земли в конечные блага — промышленные),
- третичный (отрасли, обслуживающие первичный и вторичный сектора — строительство, транспорт, связь, услуги и т.п.).

Социальные субъекты воспроизводства представлены отдельными индивидами, домохозяйствами, некоммерческими организациями, их группами и осуществляют следующие воспроизводственные функции:

- ❖ формирование и изменение широких общественных потребностей, удовлетворения этих потребностей в процессе потребления частных, смешанных и общественных благ;
- ❖ потребление в рамках НКО средств производства, производство и распределение НКО в натурально-вещественной и стоимостной форме локальных общественных благ, необходимых отдельным группам социальных и хозяйственных субъектов;

- ❖ формирование, поддержание и изменение ресурсов труда, характеризуемых определенным социально-экономическим потенциалом;
- ❖ образование и поддержание устойчивых социальных связей в едином целом культуры, органичной частью которой являются условия для предпринимательства и новаторства, особенности совместного проживания индивидов и их групп, потребительские предпочтения, традиционные способы заключения так называемого «общественного договора» между социальными и хозяйственными субъектами воспроизводства и контроля над его исполнением (производство социальных благ).

Публичные субъекты воспроизводства представлены органами государственной власти и местного самоуправления, бюджетными учреждениями, их подразделениями и сотрудниками. Их деятельность обусловлена результатом «общественного договора». Основными функциями публичных бюджетных субъектов являются:

- ◆ производство в натурально-вещественной и стоимостной форме смешанных и общественных благ посредством комбинирования необходимых ресурсов в сети бюджетных учреждений (например, обеспечение национальной обороны, поддержание правопорядка, поддержание системы товарно-денежных отношений, создание, обновление и расширение социальной и производственной инфраструктуры);
- ◆ разработка НИОКР на основе фундаментальной науки, внедрение разработанных НИОКР, имитация внедренных ранее НИОКР;
- ◆ распределение (перераспределение) в стоимостной форме общественного продукта (посредством взимания налогов для содержания бюджетных учреждений, выплаты субсидий, дотаций, социальных трансфертов и пр.), направленное на достижение различных целей государственной макроэкономической, социальной и бюджетно-административной политики;
- ◆ организация информационных связей между социальными и экономическими субъектами для успешной разработки, внедрения и имитации инноваций (достижение цели макроэкономического роста) и для развития культуры (достижение цели социальной стабильности и общественного прогресса) посредством институциональных ограничений и стимулов в различных направлениях макроэкономической и социальной политики.

Таким образом, основой специализации всех секторов воспроизводства целостной экономики является долговременное воссоздание в определенном количестве и качестве экономических ресурсов, использование которых подчиняется определенной технологии трансформации ресурсов в блага. При этом в качестве ресурсов следует рассматривать те базовые факторы производства, которые обладают самостоятельным потенциалом и заняли прочное место в национальном счетоводстве и анализе современных процессов эволюционного воспроизводства [16]:

- *земля* (изъятие из окружающей среды энергоносителей и иных материалов взамен уничтоженных в процессе производства благ);
- *труд* (обновление поколения работников и служащих, рост их образованности и профессионализма, изменение специализации);
- *капитал* (обновление физически и морально изношенных средств производства);
- *предпринимательские способности* (обновление поколения предпринимателей и топ-менеджеров, рост их предпринимательских компетенций по управлению ресурсами в рамках фирм);
- *информация* (дублирование, модификация, рекомбинация и создание новых знаний и навыков в ходе институционализированного производства, обмена и потребления информационных ресурсов, при этом знания и навыки являются неотъемлемыми элементами планов деятельности субъектов).

Разделение труда в целостной экономической системе позволяет использовать ресурсы качественного экономического роста таким образом, что возобновимые и невозобновимые даровые блага природы преобразуются в предметы удовлетворения общественных потребностей, что может быть отражено системой натурально-вещественных и стоимостных параметров источников роста. Блага, в свою очередь, на основе неких координационных механизмов распределяются между производственными секторами, создавая определенный баланс натурально-вещественных и стоимостных индикаторов результатов развития. Нарушение баланса индикаторов в каком-то одном из секторов отражает случайное либо сознательное нарушение баланса интересов производственных субъектов, что в конечном итоге вызывает перелив ресурсов между всеми секторами производства.

В результате целостную экономику как объект устойчивого качественного экономического роста можно, например, представить в виде пространственной классификации производственных секторов, между которыми в натурально-вещественной и стоимостной форме движутся производимые, распределяемые (обмениваемые) и потребляемые блага (см. рис. 1).

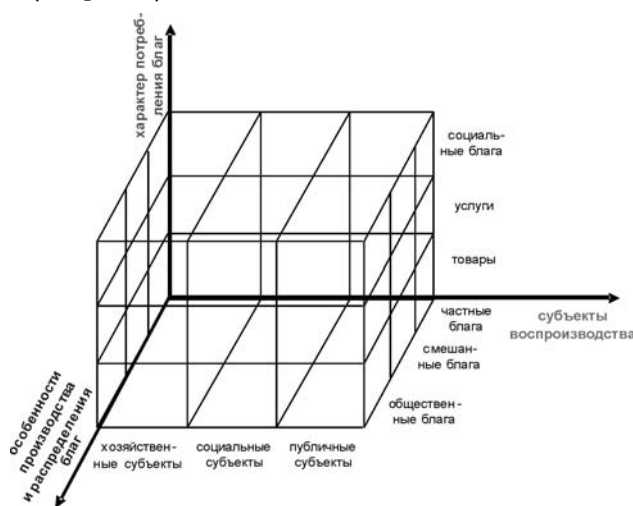

Рис. 1. Пространственная классификация производственных секторов целостной экономики

Подобно экстенсивным и интенсивным условиям производства поддержание устойчивости качественного роста экономики можно подразделить на механизмы «адаптивной» (запас факторов производства, позволяющий компенсировать внутренние и внешние возмущения за счет централизованного перераспределения ресурсов между нуждающимися субъектами воспроизводства) и «заместительной» устойчивости (конкурентоспособность качества факторов и технологий их использования, позволяющая компенсировать внутренние и внешние возмущения за счет привлечения ресурсов извне или путем внедрения инноваций) [14]. Эти механизмы предполагают разные подходы к анализу производственной структуры экономики — как структуры функционально однородных (территориальные образования, повторяющие производственную структуру целостной экономики — города, районы, регионы) и неоднородных производственных подсистем (хозяйственные, социальные и публичные субъекты), соответственно.

Вопрос о преимуществах и недостатках механизмов устойчивости качественного экономического роста как расширенного производства целостной экономики тесно связан с причинами возникновения и путями снижения неопределенности, которая раскрывает свой потенциал (потери и выигрыши для субъектов экономики) при выявлении необходимой информации.

Причинами неопределенности в экономике являются ее временная размерность (разнесенность во времени инвестирования, производства, потребления; долгосрочное использование производственных активов и т.п.) и глубокая специализация и разделение труда [11]. Информация же снижает неопределенность для субъекта (что обеспечивается функционированием в экономике эффективных институтов) и в этом смысле является неотъемлемой частью плана его действий. Поэтому потребности в информации целостной экономической системы заключаются в налаживании такой институциональной структуры информационного процесса (производства, обмена, потребления информации между субъектами), которая бы обеспечивала требуемую устойчивость качественного экономического роста.

Однако снижение неопределенности при помощи институтов оказывается объективно затруднено фундаментальными свойствами экономической информации (неисчерпаемость, неоднородность, быстрый моральный износ), несовершенством каналов коммуникации, разными когнитивными способностями субъектов, их специализацией в разделении труда и возможностями оппортунизма. Информация не является абсолютно определенной (детерминированной, что возможно в отсутствие случайности), полной (всеобъемлющей, что возможно в отсутствие инноваций) и симметричной (одинаково и одновременно интерпретируемой субъектами) [15].

В связи с этим вклад информации в воспроизводство экономических систем связан с определенной стоимостью. Функционирование институтов сопряжено с так называемыми «транзакционными издержками», которые опосредуют процесс перехода прав собственности на экономические блага и отражают присущую реальной экономике большую или меньшую информационную эффективность [22]. С одной стороны, они затрудняют функционирование экономической системы (субъекты несут дополнительные издержки), но с другой стороны — облегчают ее бесперебойную работу, тем самым являясь производными от трансформационных издержек системы (затрат на трансформацию ресурсов системы в предметы удовлетворения потребностей субъектов). Поскольку отклонение фактического уровня затрат ресурсов в системе от его запланированного уровня объясняется неопределенностью (дефицитом информации), постольку транзакционные издержки могут быть измерены в тех же единицах, что и трансформационные.

При этом в качестве натурально-вещественного вклада информационного ресурса (в определенном количестве и качестве) может быть взята институционализованный величина сниженной неопределенности (например, энтропии К. Шеннона [20]) будущих индикаторов состояния субъектов из системы взаимосвязанных индикаторов результатов качественного экономического роста, отражающих баланс интересов хозяйственных, социальных, публичных субъектов.

В качестве стоимостного вклада информационного ресурса может быть взята величина транзакционных издержек, которая может быть определена на основе бюджета развития, затрачиваемого в будущем субъектами воспроизводства на достижение системы результатов роста.

Учет особой роли ресурса информации, ценность которого заключается в росте определенности (снижении энтропии) в достижении целей обладающих информацией субъектов (минимизации транзакционных издержек на достижение заранее известных целей,) позволяет перейти к дальнейшей формализации качественного экономического роста на основе комплексной воспроизводственной функции и двойственной (натурально-вещественной и стоимостной) параметризации источников и результатов воспроизводства. Впоследствии возможна апробация формальной модели устойчивого экономического роста на статистическом материале российской экономики.

Можно утверждать, что разработка категории устойчивого качественного экономического роста на основе его воспроизводственного смысла и учета современных тенденций социально-экономической эволюции в различных странах дает возможность сделать вклад в теорию экономического роста в направлении сближения тео-

рии с экономической действительностью и является достаточно актуальной темой для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — М.: Академия, 1999.
2. Васильев, А.Л. Россия в XXI веке. Качество жизни и стандартизация / А.Л. Васильев. — М.: РИА Стандарты и качество, 2003.
3. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. — М.: ЭКСМО, 2008.
4. Жариков, О.Н., Королевская, В.И., Хохлов, С.Н. Системный подход к управлению / О.Н. Жариков, В.И. Королевская, С.Н. Хохлов; под ред. В.А. Персианова. — М.: ЮНИТИ, 2001.
5. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. Кейнс. — М.: ЭКСМО, 2007.
6. Комарова, А.В. Гуманизация экономического развития как системный процесс и его измерение / А.В. Комарова // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2006. — № 1. — С. 56–65.
7. Нельсон, Р.Р. Уинтер, С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений / Р.Р. Нельсон, С. Дж. Уинтер; пер. с англ. — М.: Дело, 2002.
8. Нуреев, Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики / Р.М. Нуреев. — М., 2008.
9. Орлов, А.В. К определению условий воспроизводства и обращения всего общественного капитала / А.В. Орлов // Проблемы современной экономики. — 2009. — № 3 (31). — С. 53–61.
10. Панкратьев, В.П. Некоторые проблемы безопасности / В.П. Панкратьев. — М.: Еуропеум-Пресс, 2001.
11. Розмаинский, И.В. Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход / И.В. Розмаинский // Вопросы экономики. — 2009. — № 6. — С. 48–59.
12. Розмаинский, И.В. «Номо Post-Soveticus»: Основные характеристики экономического поведения с точки зрения институционально-посткейнсианского подхода / И.В. Розмаинский // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2007. — Том 5 (№ 1). — С. 28–40.
13. Румянцева, С.Ю. Эволюция понятия и методологии анализа экономической конъюнктуры / С.Ю. Румянцева // Вестник С.-Петерб. ун-та. — Сер. 5. Экономика. — 2004. — Вып. 4 (26). — С. 22–34.
14. Руцкий, В.Н. Информационные основы целостности системы региона / В.Н. Руцкий // Региональная экономика: теория и практика. — 2008. — № 29 (86). — С. 59–66.
15. Руцкий, В.Н. Эффективность информационного процесса в сложных динамических экономических системах / В.Н. Руцкий // Современная экономика: проблемы и решения: сборник научных трудов. — Выпуск № 7. — Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2007. — С. 125–138.
16. Туманян, И.В. Качественная трансформация системы факторов производства в постиндустриальном обществе / И.В. Туманян // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2008. — Т. 6 (№ 2). — Ч. 2. — С. 47–52.
17. Умаханов, М.И. Устойчивое развитие региона: модель, основные направления, концепция: монография / М.И. Умаханов, Р.Д. Шахпазова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006.
18. Устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации и экономики знаний: концептуальные основы теории и практики управления / под ред. В.В. Попкова. — М.: ЗАО Издательство Экономика, 2007.
19. Харрод Р. Теория экономической динамики / Р. Харрод. — М.: ЦЭМИ, 2008.
20. Шеннон, К.Э. Работы по теории информации и кибернетике / К.Э Шеннон. — М.: Издательство иностранной литературы, 1963.
21. Aghion P. Endogenous growth theory / P. Aghion, P. Howitt. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1998.
22. Commons J.R. Institutional economics // American Economic Review, V. 21. 1931. P. 648–657.
23. Economics of Growth and Technical Change. Ed. by G Silverberg and L. Soete. Cornwall, 1994.
24. Domar E. Essays in the Theory of Economic Growth // American economic Review. N.Y. 1957.
25. Solow R. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1956. February. P. 65–94.